

Философия Philosophy

Научная статья

УДК 162.6

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.12401>

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДВИЖЕНИЯ АРГУМЕНТОВ В ПУБЛИЧНОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ

И.Б. Микиртумов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 imikirtumov@gmail.com

Аннотация. Цель статьи - показать, какие виды моральных оснований задействованы в ходе споров и публичных делибераций, как осуществляется их воздействие. Исследование ориентировано на социально-политическую коммуникацию как на свой объект. Метод исследования - анализ спора и делиберации инструментами теорий аргументации и делиберации с привлечением элементов политической философии. Содержательным методологическим основанием является выделение четырёх задач спора и публичной делиберации: акциональной, интеракционной, эпистемической и публичной, где главной является принятие решение о действии. Результаты исследования следующие. В коммуникативном взаимодействии, направленном на принятие решения, выделены три стадии: делиберация о повестке, спор по существу дела, делиберация о действии. Агент действует в трёх ролях – политического субъекта, добивающегося или отстаивающего свою субъектность, эксперта и практика. Выявлены два уровня морального принуждения. Первый касается выполнения правил, которые связаны с каждой из ролей. Второй затрагивает отношения между группой и действующим от её имени представителем. В публичной делиберации он выполняет своих обязательства перед группой в рамках моральной концепции призвания. На каждой стадии коммуникации связь с моральными основаниями может быть полностью или частично разорвана. Представитель группы может её имитировать, не достигая институциональной задачи делиберации. Моральное принуждение обнаруживает свою несостоятельность сразу на обоих уровнях. Неудавшийся спор создаёт прецедент коммуникации с ослаблением морального принуждения. Это позволяет в других коммуникативных ситуациях делегитимировать как спор по существу, так и делиберацию о действии. Общий вывод касается роли моральных оснований. Опасность провала коммуникации требует от сторон делиберации и от представляемых ими групп постоянного выдвижения аргументов морального характера с тем, чтобы принуждать представителей к выполнению обязательств перед группой, а сторон спора и делиберации – к выполнению её правил.

Ключевые слова: делиберация, мораль, аргументация, спор, повестка.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в Санкт-Петербургском государственном университете. Грант 20-011-00485, «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Для цитирования: Микиртумов И.Б. Моральные основания выдвижения аргументов в публичной делиберации // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 4. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.12401

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.12401>

MORAL GROUNDS FOR ARGUING IN PUBLIC DELIBERATION

I.B. Mikirtumov St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation imikirtumov@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to show what types of moral argumentation are involved in debates and public deliberation, and how their impact is carried out. The research focuses on socio-political communication as its object. The research method consists in the analysis of the dispute and deliberation with the tools of the theories of argumentation and deliberation with the involvement of elements of political philosophy. The substantive methodological basis is the differentiation of four tasks of the dispute and public deliberation: actional, interactional, epistemic and public, where the main thing is to make a decision about action. The research results are as follows. In communicative interaction aimed at making a decision, there are three stages: deliberation about the agenda, dispute on the merits of the case, deliberation about action. The agent acts here in three roles - as a political subject, seeking or defending its subjectivity, as an expert and as a practitioner. I identify two levels of moral coercion. The first concerns the implementation of the rules that are associated with each of the roles. The second concerns the relationship between the group and the representative acting on its behalf. In public deliberation, he fulfills his obligations to the group. A failed dispute sets a precedent for communication with a relaxation of moral coercion, which sets a precedent. The general conclusion concerns the role of moral foundations. The danger of the lack of communication requires from the parties to deliberation and from the groups they represent to constantly put forward arguments of a moral nature in order to force representatives to fulfill their obligations to the group, and the parties to the dispute and deliberation to follow its rules.

Keywords: deliberation, morality, argumentation, dispute, agenda.

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the RFFR at St. Petersburg State University. Grant 20-011-00485, “Deliberative argumentation between reasoning and action”

Citation: I.B. Mikirtumov, Moral grounds for arguing in public deliberation, Society. Communication. Education, 12 (4) (2021) 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.12401

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Какой прагматический эффект производит выдвижение аргументов в споре или дискуссии, какие обязательства и риски этот процесс влечёт для участников, и что заставляет их следовать этим обязательствам? Такой вопрос возникает, если точку зрения, согласно которой расхождение социальных акторов во мнениях подталкивает их к поискам согласия в публичной коммуникации [1, с. 90–91], дополнить указанием на косвенные и производные цели и задачи, решаемые при этом агентами. Расхождение во мнениях не всегда блокирует путь к значимым целям, а иногда оказывается полезным для их достижения, публичная коммуникация может быть выгодна и без консенсуса во мнениях и без принятия решения о действии, снимающего проблему. Процессы публичной коммуникации отданы в руки профессиональных политиков и не менее профессиональных «неизбранных представителей», контроль за которыми со стороны представляемых ими групп весьма невелик, поэтому их цеховые интересы всегда и без затруднений уведут публичную коммуникацию в сторону. Но остаются инструменты контроля неформального, а именно

моральные основания, во-первых, спора, аргументации и делиберации, во-вторых, порядка отношений между группами и представителями. Сила морального принуждения проявляется в том, что, независимо от содержательного исхода коммуникации, т. е. от победы и проигрыша в споре или делиберации, поведение сторон следует известным нормам, нарушение которых губительно как для отношения представительства, так и в целом для института публичной коммуникации как инструмента достижения согласия по значимым вопросам. Между тем, самое меньшее, что можно сказать об эффекте аргументации как социального действия, – это то, что она поддерживает делиберативную рациональность как практику [2]. Более значимые прагматические воздействия сопряжены с признанием сторонами друг друга, с эпистемической динамикой сторон и публики, наконец, с принимаемыми решениями и реализуемыми на их основании действиями, успешность которых каждый раз легитимирует сам институт делиберации.

Литература о моральных основаниях аргументации необозрима, а направленность вектора убеждения к благу констатирует в своей «Риторике» уже Аристотель (1362a 15–21). Стремление к благу и к общему благу определяет не только предметы делиберации, но и её техническую сторону, т. е. соблюдение её правил, поэтому во всяком аргументативном взаимодействии, в том числе, публичном, моральные основания играют роль регулятива. В их содержательном центре находится антропологическое ядро теории риторики, образованное общими представлениями о природе общества и человека, о благе, справедливости, счастье и прекрасном. Оно необходимо как инвариант, позволяющий в каждой делиберации обеспечивать моральное принуждение к максимуму рациональности, т. е. к предпочтению наиболее правдоподобного и полного знания, оптимального соотношения целей и средств, инклюзивности самой делиберативной практики. Согласно Джону Дьюи, компетентностью в этой сфере обладает любой человек и она составляет часть его гражданского статуса [3].

В теориях делиберативной политики Джона Роулза [4] и Юргена Хабермаса [5] моральная регуляция, представленная концептом справедливости, придаёт легитимность непрерывному публичному обсуждению общественно значимых вопросов, успешность которого, в свою очередь, легитимирует сами общественные институты принятия решений. Частные аспекты моральной аргументации [см.: 6] и моральных оснований аргументации [см.: 7] связаны с отношениями между экспертным знанием и практикой. В центре общественного внимания сегодня находятся проблемы экологии, изменения климата, общественного здоровья – в связи с пандемией, и эмансипации. Здесь дефицит достоверного знания сопровождается необходимостью безотлагательных решений, что заставляет исследователей обращаться к тому, как в контексте идей справедливости и общего блага принимается или отвергается научная информация [8, 9], воспроизводится алармистский дискурс [10], какие моральные чувства, состояния и концепты сопровождают принятие или отбрасывание аргументов [11], в том числе, в сетевых спорах [12].

В этой статье я представлю перечень задач спора и делиберации, опишу три стадии таких взаимодействий – делиберацию о повестке, спор по существу и делиберацию о действии, и постараюсь представить моральные основания принуждения агентов к следованию предполагаемым сущностью коммуникации норм на каждой из этих стадий. Особое внимание будет уделено делиберации о повестке, черты которой малоизучены, но которая играет конститутивную роль в силу того преломления, которое в ней получают содержательные вопросы и статусы агентов.

Методологический принципы

Методологической основой исследования являются положения классической теории риторической, в центре которой находится антропологическое ядро, и современная теория аргументации. В частности, я буду исходить из того, что в спорах и дискуссиях участники (агенты) ставят задачи четырёх видов: *интеракция* с контрагентом, т. е. признание тебя полноценным участником коммуникации, осуществление контрагентом тех или иных *действий*, *изменение эпистемических*

установок и, наконец, влияние на публику. Задача интеракции состоит также в том, чтобы подчинить ход коммуникации известным правилам. Ход и результаты коммуникации можно оценить по четырём шкалам, соответствующим названным задачам, и в общем случае, задачи эти не связаны друг с другом. Это значит, например, что можно изменить убеждения контрагента, не будучи признанным стороной спора, можно достичь успеха у публики, но не добиться от другой стороны требуемых действий, а добившись их, не иметь представления о том, имело ли место изменение знаний и мнений и т. п. В тех или иных видах споров эти аспекты могут оказываться взаимосвязанными.

Делиберация о повестке

Публичная делиберация представляет собой спор, дискуссию или рассуждение, результатом которых должно стать принятие решения, прежде всего, в областях политики, права и морали. Значение слова «публичность» здесь двояко. С одной стороны, имеется в виду, что обсуждение происходит гласно, и слышны все группы интересов, с другой стороны, — предполагается, что процедура направлена на достижение общего блага, что выражается в соблюдении принципов и правил делиберации. Среди них, прежде всего, возложение на пропонента обязательства по обоснованию точки зрения, возложение на оппонента обязательства по принятию аргументов, которые не удаётся опровергнуть, а также обязывание принимающей решение инстанции следовать за победившей в споре стороной [7]. Всё это придаёт принятому решению легитимность особого характера, — она отражает уверенность участников и наблюдателей в том, что принятое решение является наиболее рациональным, а потому, наилучшим из возможных в данной ситуации [13, с. 74–75; 14, 15].

Делиберация может вестись как по содержательным вопросам, так и по поводу формальной стороны самой делиберации. В частности, могут обсуждаться правила её ведения, включающие право на участие, порядок допуска, регламент, критерии, по которым определяется, какое решение принято, порядок изменения решений и пр., а также порядок формирования повестки, т. е. перечня содержательных вопросов, которые будут обсуждаться, и обстоятельства такого обсуждения. История общественно-политических институтов с самых древних времён знает как делиберацию о повестке, так и специальные учреждения, которые создавались для её осуществления [16, р. 1032], а в последние двести лет делиберация о повестке публичных институтов принятия решений представляет собой один из центральных элементов политического процесса. Причины тому очевидны: контроль над повесткой позволят блокировать процесс делиберации по содержательным вопросам, а, значит, блокировать и принятие решений, выстраивать последовательность рассмотрения вопросов, делая так, чтобы решения, принятые ранее, предопределяли спектр предстоящих, давать голос одним группам и не давать другим, оставляя их, таким образом, вне видимости [17, р. 7]. В теории политической коммуникации определение повестки описывается как непрерывный процесс, в котором задействованы группы интересов, политики, общественность и СМИ, так что все стороны оказывают влияние друг на друга [см.: 18]. Контроль повестки публичной делиберации имеет свои пределы, в частности, невозможно игнорировать интересы общества, т. е. не обсуждать то, что волнует людей. Как показывают эмпирические исследования, попытки участников отклонять повестку дебатов от тем, вызывающих общественное беспокойство, хорошо фиксируется аудиторией и вызывает её негативное отношение [19, р. 19–20].

В делиберации о повестке задача сторон, на первый взгляд, определена вполне однозначно, а именно, как продвижение и блокирование содержательного вопроса. Но в действительности ситуация сложнее. Четыре задачи спора, представленные выше, здесь также имеют место. Иногда задача продвигающей стороны не простирается дальше достижения интеракции, т. е. признания её полноценным партнёром по коммуникации. Это можно наблюдать сегодня, например, в

обсуждениях экологических и климатических вопросов, в которых одной из сторон выступают так называемые «неизбранные представители» общества и человечества [20], или эоактивисты, а с другой – властные элиты. Как таковые дебаты пока не имели места, поскольку эоактивистам на протяжении многих лет не удавалось получить статус полноценной стороны спора и заставить мировую политическую элиту признать их субъектность. На национальном уровне этот процесс идёт иначе и в небольшом количестве стран экологическая повестка, как и силы, стоящие за её продвижением, обрели институционализацию ещё несколько десятилетий назад. Более масштабное движение затруднено тем, что выступающие от имени человечества эоактивисты, к числу которых относится, например, Грета Тунберг, имеют в качестве своих контрагентов не «общемировое правительство», а временные коллегии и международные организации, объединяющие представителей национальных правительств, и лишённые значимых полномочий [21]. Это обстоятельство удобно для того, чтобы уклоняться от признания эоактивистов стороной обсуждения и, тем самым, от делиберации по экологической проблематике. Но, при этом, для каких-то групп «заявить о себе» путём внесения в повестку того или иного вопроса является задачей второстепенной по сравнению с достижением интеракции с властными структурами. Саму по себе субъектность, которое она несёт, в долгосрочной перспективе оказывается социальным капиталом группы и существенно меняет структуру общества, причём без того, чтобы была достигнута динамика по конкретным вызывающим озабоченность вопросам. Целью может быть и «работа на публику», обычно сочувствующую, которой демонстрируется активная позиция, и которой, кроме того, всякий участник делиберации о повестке кажется значимой единицей. Так, с точки зрения Жака Рансьера, эмансипация тех или иных меньшинств реализуется как обретение ими субъектности, и, в нашем случае, возможности влиять на повестку, как их нормативное переименование, выводящее группы из языкового узуса дискриминации, но не меняет характера сложившихся враждебных отношений с большинством [22, р. 61–62]. Таким образом, делиберация о повестке представляет собой борьбу на двух уровнях, первый из которых имеет своим мотивом принятие решение по вызывающему озабоченность группы вопросу, а второй – признание права этой группы ставить такой вопрос.

Институциональная и производные задачи спора

Функцией столкновения мнений, которая отражает его сущность, является принятие решения о действии, и лишь аспектами этой задачи оказываются задачи эпистемические, интеракционные и публичные. Вступая в спор, стороны осуществляют перформативный акт, условием успешности которого является принятие решения о действии и его совершение или несвершение. Если стороны вступили в спор, не имея целью прийти к решению и действию, или если вне связи со спором принято некоторое решение и совершено или не совершено некоторое действие, то взаимодействие сторон в первом случае как спор проваливается, а во втором оказывается спором фиктивным. При этом эффекты, связанные с эпистемическими состояниями сторон, их взаимодействием и впечатлениями публики, могут оказаться полностью или частично уничтожены неудачей перформатива. Наиболее устойчива эпистемическая динамика сторон и наблюдателей. Можно затеять спор лишь для того, чтобы сделать общим достоянием прежде неизвестную информацию или же анонсировать точку зрения, которая по тем или иным причинам не могла быть представлена иначе как в формате обсуждения. Достигнутое же в ходе коммуникации признание кого-либо в качестве субъекта отношений весьма зыбко. Если сторона уличена в том, что вступила в спор ради интеракционного успеха и не предполагала доведение его до принятия решения, то она легко лишается только что полученного признания. И в противоположном случае, когда имитация и провал спора вызваны стороной, от которой зависит признание, оно оказывается фикцией, превращает претендента в объект манипуляции, нанося урон его статусу. Подобным образом публичный эффект спора при обнаружении его фиктивного характера или провала

может иметь негативный характер для виновной в этом стороны, выставляя другую сторону жертвой манипуляции, что опять-таки не повышает её статуса.

Решение и действие — это те цели, стремление к которым делают спор, дискуссию или иное столкновение мнений значимым институтом. Три стадии, в которых здесь развёртывается коммуникация, суть *делиберация о повестке*, *спор по существу дела* и *делиберация о действии*¹. Вступая в каждую из них, агенты совершают выбор, прежде всего, между институциональной и производными задачами, и в зависимости от него ведут поиск содержательных аргументов. Сторона, продвигающая повестку, обычно имеет ясную позицию и по самому вопросу, поэтому противной стороне для того, чтобы предотвратить принятие решения, например, если взять экологическую проблематику, об отказе от массового использования личных автомобилей, следует сначала блокировать этот вопрос на уровне повестки, затем, в случае неудачи, искать аргументы на уровне содержательной дискуссии, наконец, если доходит до делиберации о действии, — искать доводы в пользу нереализуемости или слишком высокой цены предложенного решения. Выигрыш и проигрыш сторон на каждой стадии различны. Делиберация о повестке всегда представляет собой столкновение, в котором задействованы статусные ресурсы, прежде всего, власть, авторитет, престиж. Уступка экологами, выражающаяся во внесении их вопроса в повестку, означает не просто их признание, но и ослабление позиций оппонентов, ставящих себя вровень с недавними маргиналами. Выигрыш в споре по существу дела свидетельствует, возможно, об объективной правоте, лучшем знании предмета или же большей информированности, подтверждая, в целом, уровень интеллектуальных качеств. Он не даёт права на власть, равно как и проигрыш здесь её не лишает, если только эта власть не экспертного характера. Наконец, делиберация о действии ведётся преимущественно, практиками, поскольку здесь на первом месте опыт реализации тех или иных решений, позволяющий оценить относительную, а не абсолютную цену достигаемого блага. Таким образом, в трёх стадиях спора каждая сторона предстаёт в трёх различных ипостасях, — *политического субъекта*, добивающегося признания или отстаивающего его, *эксперта*, обосновывающего свою позицию «в теории», и *практика*, доказывающего своё «знание жизни» и умение её изменять к общему благу. Победа пропонента на одной стадии не обеспечивает победы на другой. Можно продвинуть вопрос в повестку, но провалить его обсуждение по существу, а добившись успеха и здесь, потерпеть неудачу в делиберации о действии, в частности, там, где практические решения, принимаются обособленными институтами.

Первый уровень морального обязывания

Здесь находит своё выражение проведённое Максом Вебером различие между этикой убеждений и этикой ответственности [25, с. 696–697]. Мы можем не приписывать тому и другому «наивный» смысл, т. е. не считать, что существуют политики, которые действуют, руководствуясь этическими установками. Как и в случае веберовской концепции призвания, имеет место симметричное отношение, а именно, общество ожидает от политика совершения им тех или иных действий, в которых можно было бы увидеть как призвание, так и этическую установку, а существо политика состоит как раз в том, чтобы быть готовым такие действия совершать. Спор по существу и делиберация о действии соответствуют установкам следования истине и следования конвенциональной ответственности, тогда как делиберация о повестке отсылает как раз к призванию. Если оставить в стороне эти концепты Вебера, то полученные три стадии, коль скоро они включают разные системы отношений, соответствуют и разным моральным основаниям, которые я обозначаю, соответственно, как *долг субъектности*, *долг истины* и *долг добродетели*. Они образуют моральное измерение делиберации и содержат в себе обязательство по риторическому отстаиванию соответствующих им позиций. Отказ от этого означает полный или частичный отказ от реализации сущности человека как политического существа, и исполнение всех трёх видов

¹ Последние две позиции соответствуют в классификации Елены Лисанюк теоретической и практической аргументации [23]. См. также обзор подходов в Стэнфордской философской энциклопедии [24].

долга фиксируется в риторико-коммуникативном измерении политического, где моральность реализуется как поведение, адекватное нормативным ожиданиям.

Отклонение от них — умышленное или неумышленное — описывается в терминах *ролей, ожиданий* и *поз*. Коль скоро поведение выражается в аргументативном воздействии на противную сторону, роль, которая должна быть сыграна в соответствии с ожиданиями, всегда оформляется как поза. Вступая в борьбу за повестку, агент принимает позу политического субъекта. Если он намеревается преследовать не институциональную цель делиберации, а одну из побочных, то принятая поза, посредством которой его роль представлена группе, принуждает его действовать согласно ожиданиям, т. е. вопреки его собственным намерениям. Поза, таким образом, есть точка приложения принуждающей институциональной силы. Это повышает цену имитации и провала до отказа в признании уже со стороны потенциально сочувствующих или нейтральных наблюдателей. Происхождение же самой связи между ролью, позой и ожиданиями следует искать в той части существа политического, которая обеспечивает возможность делегирования и представительства. Принятие на себя этой функции означает и принятие всех трёх видов долга, поэтому попытка избавиться от какого-то из них ведёт к полной или частичной отмене делегирования.

Прежде чем эта связь представителя с группой будет разорвана, у группы остаётся возможность воздействовать на него моральными аргументами. По содержанию и форме они соответствуют трём названным видам долга. Призывая нашего представителя всерьёз бороться за повестку, мы хотим, чтобы в его лице была утверждена наша собственная субъектность, отказ от которой в уже начатом споре о повестке наносит статусу группы и её представителя больший урон, чем если бы притязание на субъектность не заявлялось вовсе. Этим объясняется пристальное внимание общественности к той же Грете Тунберг, которая добилась признания субъектности «всемирного экологического движения» и продвижения в условную «мировую» повестку экологической проблематики [26, 27]. Если Тунберг, например, начнёт использовать свою известность для иных целей, нежели изначально заявленные, то обсуждение по существу будет сорвано, продвижение повестки окажется фиктивным и вся экологическая проблематика будет скомпрометирована. Предложение внести некоторый вопрос в повестку имеет черты декларативного речевого акта, неудача которого ударяет по статусу автора, в то время как неудача в споре по существу или в делиберации о действии может иметь причиной не ошибки ведения аргументации, а обстоятельства объективные, к которым относятся изменяющиеся положения дел и установки социального окружения.

Второй уровень морального обязывания

Моральная аргументация развёртывается, таким образом, на двух уровнях. Между спорящими сторонами она имеет место тогда, когда в фокусе оказываются темы общего блага, общих целей, соотношения этих целей и средств, свободы и безопасности, богатства и сохранения окружающей среды. На примере экологической дискуссии мы видим моральные аргументы, во-первых, при обсуждении повестки, во-вторых, в делиберации о действии причём в первом случае они используются самостоятельно, задавая философский дискурс, а во втором сопутствуют аргументам от науки, имея целью придать им характер истин, учёт которых в практике обязателен. Озабоченность людей проблемой окружающей среды, вызванная обстоятельствами объективными, уже в силу вероятности быть оправданной требует анализа своего общественного потенциала, предварительного обсуждения, включающего группы интересов, и экспертного исследования, которое если и не приводит к окончательному ответу, то существенно проясняет ситуацию, причём для большинства общества [8, р. 648, 650]. Здесь научные данные пока не играют заметной роли, поскольку появляются в должном объёме в результате исследований, побуждённых публичным интересом. То, что некоторый вопрос нельзя игнорировать, вытекает из этико-политических концепций общего блага, прав и свобод, которые обосновывают порядок управления. В делиберации

о действии экспертные данные по существу вопроса уже присутствуют и становятся основанием решений, если получают легитимацию опять-таки в моральном суждении, увязывающем истину, действие и благо. Цена решения о действии определяется в его соотношении с текущим положением дел и её принятие есть моральный выбор, лёгкий в одних и тяжёлый в других случаях.

Следует отметить, что переход от обсуждения существа вопроса к делиберации о действии институционально происходит в порядке, который Ханна Арендт называет порядком «изготовления», противопоставляя ему действие свободное [28, с. 276]. Арендт здесь близка к уже упомянутым соображениям Вебера о призвании к деятельности в интересах общего блага или блага группы. «Изготовление» решения о действии имеет место тогда, когда достигнутое знание о том, какое состояние мира является лучшим, должно получать воплощение в действиях по переходу в это состояние, что вполне соответствует как веберовской этике ответственности, так и картине социальной организации у Платона. В этой «тактической» по своему масштабу схеме заложены ошибки «стратегические», а именно, не учитывается ограниченность и относительность социального знания, а также невозможность увидеть все последствия действий. Иными словами, чем последовательнее и полнее эта схема будет реализовываться, тем горче будут разочарования. Альтернатива, по Арендт, состоит в удержании на уровне политической делиберации «стратегического» видения человеческого мира и жизни, которое позволяло бы воздерживаться от немедленного и неукоснительного воплощения того, что в ходе дискуссии принято как более близкое к истине. «Производить» действие можно лишь на уровне «ойкоса», т. е. домашнего хозяйства, циклы которого стандартизированы и привычны, но не на уровне «полиса», т. е. государства, сталкивающегося каждый раз с новыми вопросами [28, с. 276–289]. Наличие институтов экспертизы, приостановки и отмены решений в перспективе универсальных целей и ценностей общества, позволяет возвращаться к принятым решениям в любой момент после их принятия. Такая функция возложена на конституционное судопроизводство и иные механизмы защиты прав и свобод. Их моральные основания распространяются на публичную делиберацию как таковую, подчиняя её концепту общего блага.

Вторая сфера моральной аргументации включает в себя отношение между представителем и группой, от имени которой он говорит и действует в публичном пространстве. Здесь представитель наделяется призванием и демонстрирует готовность его принять и ему следовать. Цель аргументации группы – принуждение представителя к реализации институциональной цели спора, т. е. к прохождению от стадий продвижения повестки, обсуждения существа дела к делиберации о действии. Отклонение представителя от этого движения есть отклонение от приписываемого ему призвания и рассматривается оно, прежде всего, как действие аморальное. Оно может быть вызвано обстоятельствами, которые делают для него выгодным сохранение своей функции представителя при имитации выполнения стоящих перед ним задач. Коррекция его поведения на трёх стадиях спора осуществляется группой при использовании трёх разных моральных аргументов. Имитация борьбы за повестку расценивается как злоупотребление доверием группы и манипуляция, провал в споре по существу вопроса как слабость ума или безответственность, в которой видится пренебрежение целями группы, наконец, неудача в делиберации о действии – как злонамеренность или неспособность представителя связать истину с практикой. В случае добросовестности представителя все три аргумента указывают на нехватку тех добродетелей, которые группа ожидает видеть в человеке, взявшемся играть роль её публичного представителя и принимающего соответствующие позы в каждой из ситуаций спора.

Получив такого рода упрёк, представитель либо идёт на разрыв с группой, либо пытается восстановить этос. Напомню, что Аристотель выделял в нём три стороны: разум, добродетель и благорасположение к тем, от имени кого оратор говорит, или кому даёт совет (*Arist. Rhet.* 1378a 9). С выделенными выше стадиями спора они соотносятся так: в борьбе за повестку сказывается благорасположение, в споре по существу – разум, в делиберации о действии – добродетель. Вы-

рожденным случаем представительства является ситуация, при которой интерес группы к спору и публичной делиберации существенно ослабляется или утрачивается, так что представительство становится фиктивным, а все процедуры маскируют достижение представителями разных групп производных целей. Это не значит, что сама группа в тех или иных случаях не может ставить производную задачу, например, заявить о себе, произвести на публику впечатление с тем, чтобы пополниться новыми членами и пр. Но и в этих случаях лояльность представителя группе не может ставиться под вопрос, по крайней мере, публично.

Заключение

Картину взаимосвязи моральных оснований двух описанных видов с этапами спора можно представить в табл. 1.

Таблица 1. Этапы спора и моральные основания
Table 1. Stages of the dispute and moral grounds

	Этапы коммуникации		
	Делиберация о повестке	Спор или дискуссия по существу	Делиберация о действии
Предмет	политическая субъектность	истина (правдоподобие)	действие
Статус стороны	политик	эксперт	практик
Моральные основание первого уровня	воля субъектности (гражданственности)	воля к истине	воля к добродетели
Центральная иллюкативная характеристика	декларатив, инициирующий делиберацию о повестке	комиссивы обязательств доказывать и принимать доказательства	перформатив, инициирующий делиберацию о действии
Риск для группы	потеря статуса	расхождение с большинством в видении мира	подчинённое принятие нежелательного решения
Моральные основания второго уровня	призвание представительства	призвание следовать истине	призвание следовать добродетели

Связь спора с моральными основаниями делает его профанацию или имитацию также морально значимыми. Если проваливается институциональная задача, и решение о действии оказывается бессодержательным или отодвигается в сторону, моральное принуждение обнаруживает свою несостоятельность сразу в обоих смыслах. Неудавшийся спор создаёт прецедент коммуникации с ослаблением морального принуждения, что позволяет вести другие споры на таких же условиях, особенно в тех случаях, когда отказ от спора или делиберации по тем или иным причинам невозможен. Не только суть дела, но и ход делиберации подвергаются порче, делегитимируются, и в той степени, в какой это происходит, все процессы публичной коммуникации начинают приобретать фиктивный характер. Их замещают групповые взаимодействия, нацеленные на достижение частного, а не общего блага, и лишь борьба между группами способна возратить делиберацию хотя бы и в ограниченном объёме. Опасность такого развития событий требует от сторон делиберации и от представляемых ими групп постоянного выдвижения аргументов морального характера. Их задача состоит в принуждении представителей к выполнению обязательств перед группой, а также к принуждению сторон друг другом к выполнению правил делиберации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Лисанюк Е.Н., Мазурова М.Р.** Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 1. С. 81–100.
2. **Микиртумов И.Б.** Делиберация и действия, совершаемые при выдвигании аргументов // Ценности и смыслы. 2021. №1 (71). С. 78–91. DOI: 10.24412/2071-6427-2021-1-78-91
3. **Дьюи Д.** Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. 162 с.
4. **Ролз Дж.** Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.
5. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
6. **Walton D.N.** Ethical Argumentation. Lexington, 2003. 252 p.
7. **Blair A.** The Moral Normativity of Argumentation // COGENCY. 2011. Vol. 3, № 1. Pp. 13–32.
8. **Moore A.** Deliberative Democracy and Science // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / Eds.: A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford University Press, 2018. Pp. 640–654.
9. **Zeidler D.L., Sadler T.D.** The Role of Moral Reasoning in Argumentation: Conscience, Character, and Care // Argumentation in Science Education / Eds.: S. Erduran, M.P. Jiménez-Aleixandre. Dordrecht: Springer, 2007. DOI: 10.1007/978-1-4020-6670-2_10
10. **Feinberg M., Willer R.** The moral roots of environmental attitudes // Psychological Science. 2013. Vol. 24, № 1. Pp. 56–62.
11. **Kobbe J., Rehbein I., Hulpus I., Stuckenschmidt H.** Exploring Morality in Argumentation // Proceedings of the 7th Workshop on Argument Mining. Barcelona, December 13. 2020. Pp. 30–40. URL: <https://aclanthology.org/2020.argmining-1.4.pdf> (дата обращения: 10.10.2021)
12. **Eronen M.** Moral argumentation as a rhetorical practice in popular online discourse: Examples from online comment sections of celebrity gossip // Discourse & Communication. 2013. Vol. 13, № 3. Pp. 278–298. DOI: 10.1177/1750481313510818
13. **Хабермас Ю.** Проблема легитимации позднего капитализма. Перев. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис, 2010. 254 с.
14. **Simon H.** From Substantive to Procedural Rationality // 25 Years of Economic Theory / Eds.: T.J. Kastelein, S.K. Kuipers, W.A. Nijenhuis, G.R. Wagenaar. Boston, MA: Springer, 1978. Pp. 65–86.
15. **Friberg-Fernros H., Schaffer J.K.** Assessing the epistemic quality of democratic decision-making in terms of adequate support for conclusions // Social epistemology. 2017. Vol. 31, Iss. 3. Pp. 251–265. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317866
16. **Fishkin J., Kousser T., Luskin R.C., Siu A.** Deliberative Agenda Setting: Piloting Reform of Direct Democracy in California // Perspectives on Politics. 2015. Vol. 13, № 4. Pp. 1030–1042.
17. **Rancière J.** Introducing disagreement. Transl. by S. Corcoran // Angelaki: journal of the theoretical humanities. 2004. Vol. 9, № 3. Pp. 3–9, DOI: 10.1080/0969725042000307583.
18. **Wolfsfeld G.** Making Sense of Media and Politics. New York: Routledge, 2011. 150 p.
19. **Boydston A.E., Glazier R.A., Pietryka M.T.** Playing to the Crowd: Agenda Control in Presidential Debates // Political Communication. 2013. Vol. 30, № 2. Pp. 254–277. DOI: 10.1080/10584609.2012.7-37423
20. **Keane J.** The Life and Death of Democracy. London, New York: 2009. 992 p.
21. **Семедов С.А., Сухарева В.А.** Феномен Греты Тунберг или технологии медиатизации протеста // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 121–138. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-121-138
22. **Rancière J.** Politics, Identification, and Subjectivization // October. 1992. Vol. 61. Special Issue: The Identity in Question. Pp. 58–64.
23. **Лисанюк Е.Н.** Действие, норма и ценность в практической аргументации // Аргументация в морали и праве. Коллективная монография. Под. ред. Е.Н. Лисанюк. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2018. С. 9–36.
24. **Wallace R.J.** Practical Reason // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed.: E. Zalta. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/practical-reason>. (дата обращения: 10.05.2021).
25. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия. Перев. Ю.Н. Давыдова // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 644–705.
26. Thunberg v Trump: A trillion trees is 'not enough'. URL: <https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-thunberg-idUSKBN1ZK0PS> (дата обращения: 13.06.2021).

27. **Sabherwal A., Ballew M.T., van der Linden S., et al.** The Greta Thunberg effect: Familiarity with Greta Thunberg predicts intentions to engage in climate activism in the United States // *Journal of Applied Social Psychology*. 2021. № 51 (4). Pp. 321–333.

28. **Арендт Х.** *Vita activa, или О деятельной жизни.* Перев. с нем. и англ. В.В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

REFERENCES

[1] **Ye.N. Lisanyuk, M.R. Mazurova,** Argumentatsiya, raznoglasiye ravnykh i rozhdeniye istiny v spore [Argumentation, disagreement between equals and the birth of truth in a dispute], *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 56 (2019) 81–100.

[2] **I.B. Mikirtumov,** Deliberatsiya i deystviya, sovershayemyye pri vydvizhenii argumentov [Deliberation and actions taken when advancing arguments], *Tsennosti i smysly* [Values and senses]. 1 (71) (2021) 78–91. DOI: 10.24412/2071-6427-2021-1-78-91

[3] **J. Dewey,** *Obshchestvo i yego problemy* [The public and its problems]. M.: Ideya-Press, 2002.

[4] **J. Rawls,** *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995.

[5] **J. Habermas,** *Moralnoye soznaniye i kommunikativnoye deystviye.* [Moral awareness and communicative action] SPb.: Nauka, 2001.

[6] **D.N. Walton,** *Ethical Argumentation.* Lexington, 2003.

[7] **A. Blair,** The Moral Normativity of Argumentation, *COGENCY*. 3 (2011) 13–32.

[8] **A. Moore,** *Deliberative Democracy and Science.* In: *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy.* Eds.: A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford University Press, 2018. Pp. 640–654.

[9] **D.L. Zeidler, T.D. Sadler,** The Role of Moral Reasoning in Argumentation: Conscience, Character, and Care. In: *Argumentation in Science Education.* Eds.: S. Erduran, M.P. Jiménez-Aleixandre. Dordrecht: Springer, 2007. Available at: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6670-2_10 (accessed: 10.10.2021).

[10] **M. Feinberg, R. Willer,** The moral roots of environmental attitudes, *Psychological Science*. 24 (2013) 56–62.

[11] **J. Kobbe, I. Rehbein, I. Hulpus, H. Stuckenschmidt,** Exploring Morality in Argumentation. In: *Proceedings of the 7th Workshop on Argument Mining.* Barcelona, December 13. 2020. 30–40. Available at: <https://aclanthology.org/2020.argmining-1.4.pdf> (accessed: 10.10.2021).

[12] **M. Eronen,** Moral argumentation as a rhetorical practice in popular online discourse: Examples from online comment sections of celebrity gossip, *Discourse & Communication*. 13 (2013) 278–298. DOI: 10.1177/1750481313510818

[13] **J. Habermas,** *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma.* [The problem of legitimizing late capitalism] Transl. by L.V. Voropay. M.: Praksis, 2010.

[14] **H. Simon,** From Substantive to Procedural Rationality. In: *25 Years of Economic Theory.* Eds.: T.J. Kastelein, S.K. Kuipers, W.A. Nijenhuis, G.R. Wagenaar. Boston, MA: Springer, 1978. Pp. 65–86.

[15] **H. Friberg-Fernros, J.K. Schaffer,** Assessing the epistemic quality of democratic decision-making in terms of adequate support for conclusions, *Social epistemology*. 31 (2017) 251–265. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317866

[16] **J. Fishkin, T. Kousser, R.C. Luskin, A. Siu,** Deliberative Agenda Setting: Piloting Reform of Direct Democracy in California, *Perspectives on Politics*. 13 (2015) 1030–1042.

[17] **J. Rancière,** Introducing disagreement. Transl. by S. Corcoran, *Angelaki: journal of the theoretical humanities*. 9 (2004) 3–9. DOI:10.1080/0969725042000307583

[18] **G. Wolfsfeld,** *Making Sense of Media and Politics.* New York: Routledge, 2011.

[19] **A.E. Boydston, R.A. Glazier, M.T. Pietryka,** Playing to the Crowd: Agenda Control in Presidential Debates, *Political Communication*. 30 (2013) 254–277. DOI: 10.1080/10584609.2012.737423

[20] **J. Keane,** *The Life and Death of Democracy.* London, New York: 2009.

[21] **S.A. Samedov, V.A. Sukhareva,** Fenomen Grety Tunberg ili tekhnologii mediatizatsii protesta, [The phenomenon of Greta Thunberg or technology of protest mediatization] *Kontsept: filosofiya, religiya, kultura.* [Concept: philosophy, religion, culture] 4 (2020) 121–138. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-121-138

[22] **J. Rancière,** Politics, Identification, and Subjectivization, *October*. 61 (1992) 58–64.

[23] **E.N. Lisanyuk**, Deystviye, norma i tsennost v prakticheskoy argumentatsii [Action, norm and value in practical argumentation] In: Argumentatsiya v morali i prave. Kollektivnaya monografiya. [Argumentation in morality and law. Collective monograph] ed. Ye.N. Lisanyuk. Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2018. Pp. 9–36.

[24] **R.J. Wallace**, Practical Reason In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed.: E. Zalta. 2020. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/practical-reason>. (accessed: 10.05.2021).

[25] **M. Weber**, Politika kak prizvaniye i professiya. [Politics as a vocation and profession] Transl. Yu. N. Davydov In: M. Weber, Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]: Transl. and ed. Yu.N. Davydov. M.: Progress. Pp. 644–705.

[26] Thunberg v Trump: A trillion trees is 'not enough'. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-thunberg-idUSKBN1ZK0PS> (accessed: 13.06.2021).

[27] **A. Sabherwal, M.T. Ballew, S. van der Linden, et al.**, The Greta Thunberg effect: Familiarity with Greta Thunberg predicts intentions to engage in climate activism in the United States, Journal of Applied Social Psychology. 51 (2021) 321–333.

[28] **H. Arendt**, Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni [The Human Condition]. Transl. by V. V. Bibikhin. SPb.: Aleteyya, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Микиртумов Иван Борисович

Mikirtumov Ivan B.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9382-249X>

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.